

отрицать, въ выраженіяхъ уже выше приведенныхъ, чтобы кто-либо имѣлъ право говорить, какъ бы обладая ясновидѣніемъ истины, недоступнымъ другимъ людямъ: философія должна доказать свои притязанія, встрѣчая каждаго на его собственной почвѣ. Во-вторыхъ, онъ утверждаетъ, что тотъ, кто не можетъ логически развить философскаго принципа въ его послѣдствіяхъ, вообще не обладаетъ дѣйствительнымъ принципомъ. „Принципъ философіи, даже если онъ истинно понятъ, обращается въ ложь, тамъ, гдѣ онъ принимается *только* какъ принципъ“. „Все зависитъ отъ того, чтобы понимать абсолютную истину *не только какъ субстанцію, а какъ субъектъ*“, — т.-е. не какъ тожество Спинозы, поглощающее всякое различіе, а какъ духовный принципъ. Но, какъ таковой, принципъ можетъ быть принятъ лишь тогда, когда онъ проявляетъ себя въ различіи и возвышается надъ нимъ, — особенно въ различіи субъекта и объекта, чловѣка и природы, — словомъ лишь тогда, когда онъ можетъ быть признанъ принципомъ системы. Ибо, отдѣльно отъ такого развитія системы, простое названіе духа или субъекта означаетъ немногимъ болѣе, чѣмъ субстанцію. *Неразвитой* спиритуализмъ, именно въ силу того, что онъ не развитъ, представляетъ собою немногимъ болѣе чѣмъ спинозизмъ.

„Феноменологія“ съ литературной точки зрѣнія есть лучшее изъ произведеній Гегеля. Но въ ней замѣчается недостатокъ ясности, діалектической точности и вѣрной пропорціи частей, которыя мы находимъ въ его позднѣйшихъ трудахъ; это вознаграждается богатствомъ воображенія и силою выраженія, особенной пламенною

живостью, вытекающею какъ бы изъ того, что послѣ долгаго созрѣванія мысль, наконецъ, достигаетъ выраженія. Отличительное достоинство книги не только въ томъ, что ея діалектической процессъ достигаетъ выраженія при помощи конкретныхъ образовъ, но что самый процессъ окрыляется поэзіей и становится образнымъ, успѣшно побѣждая отвлеченности и согласуя противоположности, которыхъ онъ касается. Это не поэтическая философія, это — философія, раскрывающаяся какъ поэзія въ своемъ конечномъ синтезѣ; это мысль, воспламеняющаяся отъ быстроты и напряженія собственнаго движенія. Гегель назвалъ эту книгу своимъ „путешествіемъ за открытіями“; и, дѣйствительно, она представляетъ нѣчто вродѣ философской автобіографіи, въ которой указаны всѣ главныя силы, вліявшія на его собственное развитіе. Она содержитъ его систему въ ея первой концепціи, когда она еще не была вполне объективирована, или когда философъ еще не попытался опредѣлить свое собственное „личное уравненіе“ и посчитаться съ нимъ: но, по этой самой причинѣ, она имѣетъ особенную дѣйственность для всякаго, кто желаетъ изучить генезисъ его системы.

ГЛАВА IV.

Гегель послѣ битвы подъ Іеной. Нюрнбергская гимназія.

„Громовыми ударами Іены“ Гегель былъ грубо пробужденъ отъ философскаго экстаза, которымъ дышетъ послѣдняя глава „Феноменологіи“. Со времени первыхъ усилій задушить чудовищное исчадіе французской революціи въ войнѣ съ Франціей 1794—95, Пруссія, не

смотря на свою большую военную силу, удалилась от борьбы и обеспечила собственное спокойствие, среди бѣдствій Германіи, нѣсколько узкою политикой воздержанія. Она держалась въ сторонѣ отъ Австріи, и даже снизошла до принятія территориальнаго вознагражденія отъ Наполеона за свою вѣрную услужливость. Какъ выразился одинъ изъ ея государственныхъ людей она дошла до „низшаго паденія, до воровства по чужому приказанію“. Между тѣмъ подъ ея крыломъ маленькое Веймарское государство избѣжало бѣдствій войны, и его Іенскій университетъ, съ апостольскимъ преемствомъ Рейнгольда, Фихте, Шеллинга и Гегеля, былъ центромъ философскаго движенія, точно такъ же, какъ самый Веймаръ, съ Гёте и Шиллеромъ, былъ литературнымъ центромъ Германіи. Наконецъ, въ 1806 г. Пруссія стала понимать, что завоеватель предназначалъ ей награду Одиссея отъ Циклона—быть „сѣжденной послѣ всѣхъ“; она собрала свои силы для борьбы противъ Наполеона, но только для того, чтобы увидеть свою армію разбитой, а государство раздѣленнымъ въ течение нѣсколькихъ дней.

Какъ разъ передъ рѣшительною битвой при Іенѣ французскіе солдаты ворвались въ городъ и начали грабить. Нѣкоторые изъ нихъ вошли въ квартиру Гегеля, и рассказываютъ, что, въ отвѣтъ на ихъ угрозы, онъ обратился къ одному изъ нихъ, на груди котораго онъ увидалъ ленту Почетнаго Легіона, и сказалъ ему, что онъ вправѣ ожидать отъ человѣка, носящаго такой знакъ, приличнаго обращенія съ простымъ литераторомъ. Когда положеніе стало ухудшаться и нѣкоторые дома въ городѣ загорѣлись, Гегель положилъ въ карманъ послѣднія стра-

ницы „Феноменологіи“, предоставилъ судьбѣ остальную свое имущество и нашель убѣжище въ домѣ проректора Габлера, который находился подъ покровительствомъ французскаго офицера высшаго чина. Послѣ сраженія Наполеонъ остановилъ пожары, и Гегель вернулся въ свою квартиру, гдѣ нашель все въ безпорядкѣ. Нѣсколькими днями раньше онъ писалъ своему другу Нитгаммеру: „я видѣлъ императора, эту міровую душу; онъ ѣхалъ верхомъ по городу на рекогносцировку. Странное чувство видѣть передъ собой такую личность, которая тутъ, съ этого пункта, сидя на конѣ, возвышается надъ міромъ и пересоздастъ его. Для пруссаковъ нельзя было ожить чего-либо лучшаго; но въ промежутокъ между четвергомъ и понедѣльникомъ дѣла подвинулись такъ, какъ возможно только для этого необыкновеннаго человѣка... Какъ я говорилъ прежде, всѣ теперь желаютъ успѣха французской арміи, которая не можетъ потерпѣть неудачи при огромной разницѣ между ея предводителями и солдатами—и ихъ непріятелями“.

Эти послѣднія выраженія нуждаются, повидимому, въ объясненіи. Гегель не былъ, какъ Гёте, лишень германскаго патриотизма. Онъ уже написалъ два памфлета,—быстрый ходъ событій помѣшалъ ему напечатать ихъ—въ которыхъ онъ пытался указать причины политической и военной слабости Германіи, а также показать, какъ имперія и маленькія государства, заключенныя въ ней, могутъ быть возстановлены. Но, какъ южанинъ, онъ расположенъ былъ видѣть центръ сопротивленія скорѣе въ Австріи, унаслѣдовавшей преданія имперіи,

чѣмъ въ Пруссіи, которую онъ въ то время считалъ безжизненной бюрократическою машиной.

Ни онъ, ни кто другой не могъ предугадать, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ реформы Штейна, Шарнгорста и Гарденберга должны были обновить силы королевства Фридриха Великаго и сдѣлать его передовымъ борцомъ Германіи въ войнѣ за освобожденіе. А потому въ этотъ моментъ борьбы онъ не имѣлъ иного чувства, кромѣ презрѣнія къ Пруссіи и восхищенія Наполеономъ, который, какъ онъ говорилъ позже, „прилагалъ величайшій геній къ военной побѣдѣ только для того, чтобы показать, какъ въ сущности мало значить простая побѣда“. Но, даже въ это время, онъ не отчаивался въ окончательномъ результатѣ для Германіи. Это вышло изъ письма его къ прежнему ученику Целльману, который писалъ ему съ отчаяніемъ о будущемъ. Въ этомъ письмѣ Гегель убѣждаетъ Целльмана смотреть далѣе непосредственной неудачи—на причины ея, чтобы въ нихъ увидать задатокъ возстановленія. „Наука, — говоритъ онъ, — есть единственная теодицея; она одна можетъ помочь намъ относиться къ событіямъ безъ тупого удивленія животнаго и безъ той близорукости, которая приписываетъ ихъ временнымъ случайностямъ или талантамъ личности и полагаетъ, что судьба государства зависитъ отъ того, заняты ли солдатами тотъ или другой холмъ или нѣтъ. Наука не допуститъ насъ также до чрезмѣрнаго сокрушенія ходомъ событій, какъ бы при видѣ торжества неправды и гибели справедливости. Французскій народъ купелью своей революціи былъ освобожденъ отъ множества учрежденій, которыя человѣ-

ческій духъ оставилъ за собою, какъ свою дѣтскую обувь, и которыя поэтому отягощали его и еще отягощаютъ другихъ, какъ безжизненные цѣпи. Болѣе того, личности въ этомъ народѣ полъ ударами революціи отбросили страхъ смерти и жизнь по традиціямъ и обычаямъ, которые утратили свой смыслъ при переменѣ декораціи. Вотъ что даетъ французамъ преобладающую силу, которую они выказываютъ противъ другихъ націй. Вотъ что даетъ имъ превосходство надъ туманнымъ и неразвитымъ духомъ германцевъ, которые, однако же, будутъ вынуждены отбросить свою косность, возстануть для дѣйствія и, *сохраняя въ своемъ соприкосновеніи съ внѣшними обстоятельствами силу напряженія своей внутренней жизни, можетъ-быть превзойдутъ своихъ учителей*“ *).

Въ то время, какъ Гегель выражалъ такую гордую вѣру въ справедливость судьбы, его собственное положеніе было очень плохо. Война, уничтожившая университетскую жизнь Іены, оставила его до такой степени лишеннымъ всякихъ средствъ, что, какъ мы знаемъ, Гёте поручилъ своему другу Кнебелю лать ему взаймы нѣсколько талеровъ на предметы первой необходимости. При такихъ обстоятельствахъ онъ былъ радъ принять на себя трудъ по изданію газеты въ Бамбергѣ, который доставилъ ему другъ его Нитгаммеръ. Нѣмецкая газета того времени могла быть только перѣчетомъ событій, безъ всякихъ комментаріевъ и безъ всякой критики. Никакія независимыя руководящія статьи не были допускаемы подъ правленіемъ Наполеона. И

* Гегель, XVII, 628.

Гегель, исполняя свой издательскій трудъ дѣльно, какъ работникъ, смотрѣлъ на него, повидимому, какъ на временное средство задержать нужду у дверей. Въ одномъ письмѣ къ Кнебелю онъ нѣсколько юмористически представляетъ свое положеніе; онъ говоритъ ему, что малѣйшее сообщеніе извѣстій изъ его края будетъ принято съ благодарностью, и прибавляетъ: „Я избралъ путеводною звѣздой библейскія слова, истину которыхъ я постигъ опытомъ, — ищите прежде всего пищи и одежды, и царствіе небесное приложится вамъ.“

Послѣ года, проведеннаго въ такомъ трудѣ, Нитгаммеръ, который сталъ во главѣ учебнаго округа протестантской части Баваріи, выхлопоталъ для Гегеля болѣе подходящее занятіе въ качествѣ ректора въ Нюрнбергской гимназіи. Баварія была однимъ изъ меньшихъ государствъ Германіи, съ которыми Наполеонъ обращался особенно милостиво и которыя увеличивалъ новыми территориями, для того чтобы воспользоваться ими какъ преградами и соперниками противъ большихъ державъ—Австріи и Пруссіи. То, что они теряли, благодаря такому антипатріотическому положенію, отчасти вознаграждалось ихъ соприкосновеніемъ съ реформаторскимъ духомъ Франціи, которое сдѣлало ихъ способными скорѣе отдѣлаться отъ полу-феодалныхъ остатковъ старой имперской системы. Въ Баваріи, особенно, новыя идеи организациі и просвѣщенія вдохновляли политику правительства, которое въ то время привлекло къ себѣ на службу не только Гегеля и Нитгаммера, но также Шеллинга, Паулуса, Шуберта и другихъ выдающихся людей Германіи. Нитгаммеръ, покро-

витель Гегеля, ревностно отнесся къ реформѣ старой системы воспитанія, которую онъ старался оживить главнымъ образомъ при помощи менѣе механическаго изученія классической древности, а также введеніемъ въ школьное преподаваніе хотя бы элементовъ новой философіи. Гегель, охотно и отъ всего сердца, сдѣлался орудіемъ этого движенія, по крайней мѣрѣ въ томъ, что касалось первой части: ибо въ его глазахъ классики были для общаго образованія тѣмъ тѣмъ же, чѣмъ Спиноза былъ для философіи,—тою „духовной баней“, которая должна была освободить умъ отъ узости его природныхъ симпатій и подготовить его къ болѣе быстрой и свободной культурѣ. Въ такомъ духѣ онъ говоритъ въ одной изъ своихъ рѣчей, обращенныхъ къ школѣ въ концѣ академическаго года. „Въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій,—говоритъ онъ,—это была почва, на которой стояла всякая культура, изъ которой она возникла и съ которой она была въ постоянномъ сношеніи. Такъ же, какъ природные организмы—растенія и животныя—изъ-емлютъ себя отъ непосредственнаго вліянія силы тяготѣнія, хотя и не могутъ вполне освободиться отъ этого элемента своего существованія, такъ же точно всякое искусство и наука развились изъ этой основы, и хотя стали сами по себѣ независимы, все же не освободились отъ воспоминанія объ этой болѣе древней культурѣ. Какъ Антей возобновлялъ свои силы, прикасаясь къ матери-землѣ, такъ наука и культура, при всякомъ возрожденіи своей энергіи, возвышались къ свѣту послѣ возврата къ древности“. Далѣе Гегель осуждаетъ старую систему обученія латыни въ ущербъ всему другому

и особенно родному языку, „ибо народность не может быть признана культурной, если она не обладает сокровищами науки на своем собственном языке“. Тем не менее, хотя древние языки должны быть поставлены на свое надлежащее место, они остаются существенной основой всего, — „духовной баней, мирским крещением, дающим душам первый несмываемый тон и тинктуру истины и науки“. „Если первый рай был раем человеческой природы, это — второй, высший рай человеческого духа, который, в его прекрасной естественности, свободѣ, глубинѣ и сияніи, является как невѣста, выходящая из своих покоевъ. Первоначальная дикая величавость пробужденія духовной жизни на Востоке, в классической литературѣ, сдержана достоинствомъ формы и смягчена до красоты; глубина ея выказывается уже не в смѣшеніи, затемненіи и раздутости, но открывается намъ в чистотѣ; ея ясность не есть дѣтская радость, а скрытая грусть, которая хотя и знает суровость судьбы, но сохраняет свободу и мѣру. Не думаю, чтобы я утверждалъ слишкомъ много, когда говорю, что тотъ, кто не знает твореній древнихъ, жилъ, не зная красоты“ *).

Гегель не очень одобрялъ введеніе философіи в школы; но онъ сообразовался съ направлениемъ своихъ начальниковъ и даже составилъ нѣчто вродѣ проповѣдки къ философіи, которая впоследствии была напечатана и которая, не смотря на всѣ объясненія ректора, должна была очень затруднять смысленныхъ

* Гегель, XVI 139.

мальчиковъ Нюрнберга. Онъ позволялъ ученикамъ дѣлать ему вопросы и даже прерывать его и часто проводилъ весь часъ урока въ борьбѣ съ затрудненіями, ими предъявляемыми. Кто-то сказалъ, что нужно очень хорошо владѣть наукой, для того чтобы хорошо преподавать ея первые элементы; и позже Гегель сознавался, что стараніе выражаться съ необходимой простотой и точностью, освобождать свои мысли отъ всякаго затемненія субъективныхъ ассоціаций, дабы такимъ образомъ представить ихъ неподготовленнымъ умамъ, — принесло ему огромную пользу. Это, во-первыхъ, развило его лекторскую способность, а во-вторыхъ, сдѣлало его способнымъ дать своей системѣ болѣе точное научное выраженіе, чѣмъ то, которое она получила въ „Феноменологіи“. Какъ школьный учитель, онъ, кажется, вполне успѣшно велъ дѣло: въ общемъ управленіи школьными дѣлами онъ выказывалъ ту же практическую способность, какъ и въ издательствѣ газеты, и въ то же время пріобрѣталъ уваженіе и довѣріе учениковъ тѣмъ впечатлѣніемъ нравственного и умственного достоинства, которое онъ производилъ. Онъ стоялъ за строгую дисциплину и рѣшительно противился моднымъ въ то время педагогическимъ идеямъ Песталоцци, согласно которымъ преподаваніе должно сообразоваться съ индивидуальностью ученика и какъ можно менѣе оказывать давленія на его природныя тенденціи. По Гегелю, основаніемъ прочнаго воспитанія были повиновеніе и самоотреченіе, — подчиненіе ума внѣшнему уроку, который долженъ быть выученъ каждымъ, и даже выученъ по рутинѣ, съ полнымъ невниманіемъ къ индивидуальнымъ

вкусамъ и желаніямъ; только черезъ такое самоотреченіе и подчиненіе руководству и преподаванію могла проявиться оригинальность, достойная сохраненія. Впрочемъ, настаивая на точномъ порядкѣ и методѣ, Гегель повидимому избѣгалъ мелочного вмѣшательства и допускалъ шалости и вольности своихъ школьниковъ за предѣлы того, что считается теперь желательнымъ. Одинъ изъ его нюрнбергскихъ учениковъ рассказываетъ слѣдующій довольно характерный анекдотъ. „Я помню, что въ 1812 г. пріѣхалъ въ Нюрнбергъ танцовальный учитель и, съ позволенія Гегеля, началъ курсъ уроковъ въ гимназіи, на который ученики были приглашены подписываться. Естественно, почти всѣ подписались. Но, черезъ нѣсколько времени, нѣкоторые изъ насъ стали недовольны. Танцовальный учитель, довольно искусный въ своемъ дѣлѣ, былъ, какъ это часто случается, — фатъ; скучныя упражненія въ вѣжливыхъ манерахъ, стояніе рядами для выворачиванія ногъ и т. д. — всѣмъ надоѣли... Словомъ, нѣкоторые изъ учениковъ подумывали, какъ бы отдѣлаться отъ своего обязательства. Но это было невозможно безъ согласія Гегеля, и меня съ другимъ товарищемъ послали къ нему изложить наши жалобы. Но что за пріемъ намъ былъ оказанъ! Я не помню, какъ мы сошли обратно съ лѣстницы. Онъ и слышать не хотѣлъ, чтобы танцовальный учитель лишился гарантированнаго ему гонорара; и мы опять были принуждены танцовать, стоять рядами и дѣлать поклоны до конца лѣта“.

16 сентября 1811 г. Гегель жинился на Маріи фонъ Тухеръ, принадлежавшей къ старой нюрнбергской

семьѣ. Ее описываютъ какъ женщину съ спокойною и аристократическою внѣшностью съ тонкой женскою импульсивностью и женскою вѣрой въ импульсъ; она была пріятельницею Жана Поля и сильно интересовалась искусствомъ, какъ мы видимъ изъ содержанія писемъ ея мужа къ ней. Во многомъ она представляла „противоположность“ сдержанной силѣ, глубокой вдумчивости, систематическому размышленію и *буржуазной* простотѣ своего некрасиваго мужа, который никогда не потерялъ оттѣнка провинціализма въ манерахъ и разговорѣ. Во время ухаживанія за женой онъ написалъ въ ея честь рядъ стихотвореній, которыя нѣсколько лучше тѣхъ, какія онъ писалъ обыкновенно, но которыя содержатъ слишкомъ много философскаго анализа любви, чтобы быть хорошими поэтическими выраженіями этого чувства. Нѣмецкая откровенность въ такихъ дѣлахъ позволяетъ намъ подмѣтить нѣсколько легкихъ столкновеній, происходившихъ естественно вначалѣ между людьми столь противоположныхъ характеровъ и стремленій, когда они стали ближе узнавать другъ друга послѣ помолвки. Гегелю приходится объяснять свой безпощадный мужской тонъ въ нападкахъ на нѣкоторыя тенденціи и взгляды, къ которымъ его Марія выказываетъ сочувствіе. „Что касается меня и того, какъ я выражаю мои взгляды, — я признаюсь, что когда мнѣ приходится осуждать принципы, я слишкомъ легко теряю изъ виду то, какимъ образомъ они представляются извѣстною личностью, — въ данкомъ случаѣ, тобою; и я склоненъ относиться къ нимъ слишкомъ серьезно, потому что я вижу въ нихъ ихъ общее значеніе

и слѣдствія, о которыхъ ты и не думаешь, которыя для тебя и не заключаются въ нихъ. Однако ты знаешь хорошо, что, хотя характеръ и принципы не одно и то же, все же для характера не безразлично, какіе принципы сужденія имъ усвоены: и я, съ своей стороны, равно хорошо знаю, что принципы сужденія, противорѣчащіе характеру, имѣютъ еще менѣе значенія для женщинъ, чѣмъ для насъ... Есть мужья, которые мучатъ своихъ женъ для того, чтобы, судя по тому, какъ онѣ это переносятъ, получить новое сознаніе ихъ любви и терпѣнія. Я не думаю такъ дурно о себѣ; но мнѣ трудно раскаться въ томъ, что я тебя огорчилъ; до такой степени сила и глубина моей любви укрѣпились болѣе полнымъ пониманіемъ твоей природы, котораго я этимъ достигъ. Бракъ этотъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ счастливымъ, и Гегель могъ теперь съ спокойнымъ сердцемъ взирать на міръ. „Когда человекъ нашелъ трудъ, ему подходящий, и жену, которую онъ любитъ, — писалъ онъ своему другу Нитгаммеру, „онъ можетъ считать оконченными свои счеты съ жизнью“. Два сына родились отъ этого брака, Карлъ и Эммануиль, — первый изъ нихъ, бывший профессоромъ исторіи въ Эрлангенѣ. Гегель никогда не имѣлъ большихъ средствъ, даже когда былъ на верху славы, и хозяйство его было устроено скромно. За исключеніемъ экстренныхъ случаевъ, онъ всегда имѣлъ только одну женскую прислугу. Но онъ находилъ средства со вкусомъ устроить свою семейную жизнь и позволять себѣ нѣсколько домашнихъ излишковъ и удовольствій. Любимымъ отдыхомъ его были небольшія экскурсіи съ семьей. Во

время Нюрнбергскаго періода онъ имѣлъ также счастье на нѣсколько времени принять у себя сестру Христиану, которую онъ очень любилъ.

Въ продолженіе спокойныхъ лѣтъ, проведенныхъ въ Нюрнбергѣ послѣ свадьбы 1812—16 гг., Гегель создалъ самый крупный свой трудъ, съ точки зрѣнія чисто научной, — „Логику“; при всѣхъ своихъ недостаткахъ это единственное произведеніе, которое новѣйшій міръ можетъ поставить на ряду съ „Метафизикой“ Аристотеля. Въ ней та основная идея его системы, что единство, къ которому всѣ вещи должны быть отнесены, есть духовный или самосознательный принципъ, — вполне развитъ и доказанъ единственнымъ путемъ, которымъ возможно такое доказательство: въ ней раскрывается, что всякая другая категория или принципъ, который можетъ объяснить міръ, въ концѣ концовъ разрѣшается въ этотъ высшій принципъ, или скорѣе самъ разрѣшается въ него собственнымъ диалектическимъ движеніемъ. „Бытіе“, „Мѣра“, „Существо“, „Сила“, „Законъ“, „Субстанція“, „Причина“, — какое бы имя ни дано было тождеству, находящемуся во всѣхъ различіяхъ, — все это выраженія мысли, которая, будучи раскрыта, означаетъ или внутренне заключаетъ въ себѣ принципъ самосознанія. Разъ это доказано, дальнѣйшее дѣло философіи должно заключаться въ томъ, чтобы приложить этотъ ключъ ко всѣмъ конкретнымъ формамъ природы и исторіи и указать, какъ посредствомъ него онѣ могутъ быть поняты. Впрочемъ, это будетъ полнѣе объяснено впоследствии. — Однако Гегель нашелъ въ гимназій не совсѣмъ подходящее для себя занятіе, и часто въ теченіе этихъ восьми лѣтъ онъ наводилъ справки о

разныхъ университетскихъ мѣстахъ, гдѣ бы онъ былъ освобожденъ отъ практическихъ заботъ по школѣ и нашелъ бы аудиторію, способную выслушивать его лучшія мысли. Тѣмъ временемъ слава его постепенно росла и приводила его въ сношенія со многими философскими писателями и учеными, которые, не имѣя опредѣленнаго направленія, шли далѣе философій Фихте и Шеллинга и привѣтствовали съ радостью новый свѣтъ „Феноменологіи“ и „Логики“. Вдругъ, въ полѣ 1816 г., когда онъ только что собирался напечатать послѣдній томъ „Логики“, онъ получилъ три предложенія кафедръ философіи: изъ Эрлангена, изъ Гейдельберга и изъ Берлина, — хотя въ берлинскомъ приглашеніи выражалось нѣкоторое сомнѣніе въ томъ, не могло ли его долгое удаленіе отъ университетской дѣятельности лишить его рѣчь той авторитетной силы, которая необходима въ университетѣ. Гегель принялъ приглашеніе въ Гейдельбергъ и, наконецъ, на сорокъ седьмомъ году достигъ положенія, освобождавшаго его отъ другихъ заботъ и дававшаго ему возможность прямого вліянія на университетское преподаваніе, чего онъ такъ давно желалъ.

ГЛАВА V.

Гегель профессоромъ въ Гейдельбергѣ и Берлинѣ.— Его характеръ и вліяніе.

Въ продолженіе восьми лѣтъ, проведенныхъ Гегелемъ въ Нюрнбергской гимназіи, въ судьбѣ Германіи произошла большая перемѣна. Бѣдствія русской кампаніи нанесли первый ударъ могуществу французскаго императора, который казался непобѣдимымъ, а Пруссія, возрожденная

реформами Штейна и Гарденберга, положила начало германскому возстанію, которое кончилось низложеніемъ Наполеона. Вѣнскій конгрессъ сдѣлалъ все возможное, чтобы вызвать нѣкоторый порядокъ изъ смутнаго результата войны, и попытался также нѣсколько обуздать національныя страсти, пробужденныя войной. Но Германія волновалась еще, какъ море послѣ бури. Неопредѣленное ожиданіе великаго результата отъ столькихъ жертвъ, усиліе представителей старо-германской системы возстановить исчезнувшія историческія права, необходимость сколько-нибудь удовлетворить стремленіе къ національному единству, и политика различныхъ династій, направленная къ возстановленію ихъ отдѣльной независимости, — всѣ эти тенденціи и вліянія смутно боролись одни противъ другихъ. Въ общемъ, желаніе мира и отдыха послѣ столькихъ лѣтъ смуты и страхъ революціи, вызванный примѣромъ Франціи, преобладали надъ всѣми другими чувствами. Германская нація не ясно сознавала, чтѣ ей было нужно, и не была расположена напрягать продолжительныя усилія, чтобы пересоздать свои учрежденія. Все, чего можно было ожидать, было лишь обезпеченіе какого-либо дѣйствительнаго компромисса, который могъ бы породить лучший порядокъ вещей, такъ какъ приспѣло время для новаго прогресса.

Гегель, какъ мы увидимъ, былъ глубоко заинтересованъ политическою проблемой, но прежде всего онъ естественно чувствовалъ, что пришло время, когда интересы культуры и философіи, которые были заглушены шумомъ войны, могутъ быть услышаны, и эта идея выражена въ его вступительной рѣчи въ Гейдельбергѣ.